

Попов Г. Г.

КИЕВСКАЯ РУСЬ VS РУСЬ МОСКОВСКАЯ В РАБОТАХ НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-XX ВВ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 112-117. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ется умышленным, другое является неосторожным. В свою очередь, эти объединенные преступления могут существовать самостоятельно, а в сочетании друг с другом образуют совершенно другое преступление со своеобразным, субъективным содержанием. Составляющие элементы такого преступления, как правило, посягают на различные непосредственные объекты, но могут посягать и на один.

Таким образом, субъективное содержание преступлений с двумя формами вины обладает рядом особенностей. Преступления с двумя формами вины необходимо отграничивать от умышленных, с одной стороны, и неосторожных - с другой в тех случаях, когда они сходны по объективным признакам, то есть, для их правильной квалификации. Например, умышленное нанесение множества тяжких телесных повреждений пострадавшему с целью лишить его жизни, от которых наступила смерть, следует квалифицировать как умышленное убийство и никак иначе. Здесь существует только одна умышленная форма вины как к действиям, так и к их последствиям. Лицо осознавало общественно опасный характер своих действий, предвидело возможность наступления смерти и желало ее наступления. Что касается неосторожного преступления, то его также необходимо отличать от преступлений с двумя формами вины. Так, если при неосторожном лишении жизни в ходе расследования не установлен умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, также нет двух форм вины и преступное деяние следует квалифицировать как лишение жизни по неосторожности. Только сочетание умысла на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожности в отношении наступившей смерти дает возможность правоприменителю квалифицировать деяние по ч. 4 ст. 111 УК и говорить о составе с двойной формой вины.

Список литературы

- Лукьянов В.** Исключить из уголовного кодекса статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. 2002. № 3.
Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. 2005. № 5.
Нерсесян В. А. Понятие и формы вины в уголовном праве // Право и политика. 2001. № 12.
Нерсесян В. А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4.
Филимонов В. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2.

КИЕВСКАЯ РУСЬ И/С РУСЬ МОСКОВСКАЯ В РАБОТАХ НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–XX ВВ.

Попов Г. Г.

Российский государственный гуманитарный университет

В дореволюционной историографии имело место противопоставление Руси киевского периода Московской Руси. Это противопоставление проходит красной нитью через труды Павла Милюкова, Георгия Вернадского и Сергея Пушкарева, а также других историков. Если Сергей Соловьев рассматривал русскую историю как органическое целое, то ряд ученых конца XIX–первой половины XX в. делают поворот в другую сторону, они начинают выступать с концепциями, которые можно свести к, условно говоря, доктрине «множественности России» в средние века, как в географическом, так и во временном аспектах.

На то, что Киевская Русь резко отличается от Московской Руси, обратил внимание Костомаров, он отнес это различие на счет тюрко-монгольского влияния. Георгий Вернадский стал развивать в своих трудах идею влияния монгольских завоевателей на трансформацию общественно-политического строя средневековой России. В географическом пространстве Вернадский и другие евразийцы разделили средневековую Россию на две части – Восточная Русь и Литовско-Русское государство. Рассмотрим развитие взглядов на тюрко-монгольское влияние в контексте противопоставления Киевской Руси Московской Руси.

Сегодня вопрос трансформации Киевской Руси в Московскую Русь имеет для исторической науки и философии истории принципиальное значение, поскольку от него зависит то или иное теоретическое построение исторического процесса России в средние века. Если социально-экономическое развитие Руси в киевский и монгольский периоды не имели принципиального различия, то имела место просто эволюция русского общества, когда осуществлялось усовершенствование институтов, заложенных еще на первых этапах истории. Резкое противопоставление Киевской Руси Московской Руси дает нам повод думать о революционности изменений, произошедших в русских землях в XIII – XV вв., принципиально повлиявших на всю последующую историю России. Возникает вопрос, произошло ли в монгольский период отклонение России от «европейского» пути развития, или исторический процесс России был изначально неевропейским? Ответ на этот вопрос следует искать в исследованиях русской истории XIII – XV вв.

* * *

Начнем с Николая Ивановича Костомарова, он первый громко сказал о тюрко-монгольском влиянии на Восточную Русь. Не исключено, что на обращение к монгольскому следу в русской истории произошло у Костомарова под воздействием событий его собственной биографии, Костомаров был украинским националистом, но не в том смысле этого понятия, какое оно имеет сегодня. Судьба этого крупного историка сло-

жилась из-за принадлежности к националистическому движению среди украинской интеллигенции довольно драматично, преследования властей, несколько лет тюрем и ссылок. Отсюда и происходит оппозиционность взглядов Костомарова по отношению к традиционной российской имперской науке, отрицавшей или сводившей к минимальным значениям последствия монгольского завоевания для Руси.

В работах Николая Ивановича виден серьезный отход от почти всегда положительной оценки московских князей в монгольский период, которая давалась историками из академических кругов. Причиной возвышения Москвы Костомаров считает поддержку ее князей Золотой Ордой. Но этим, по Костомарову, не ограничиваются последствия влияния монгольских завоевателей на ход русской истории, согласно его мнению именно монголы дали Восточной Руси тот строй, который на Западе был назван феодализмом. Костомаров пишет по вопросу генезиса русского феодализма в монгольский период: «Татарское порабощение образовало между русскими княжениями такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе: князья, получившие свои владения от ханов в качестве вотчин, находились в подчинении одни другим, и само это подчинение, смотря по обстоятельствам, имело разные степени»¹.

По Костомарову, получается, что феодализм в Восточной Руси происходит от ханских пожалований, а княжеская вотчина выступает в роли пожалованного владения. Но этим «русский феодализм» (сам Костомаров не признает этого термина полностью применительно к истории Руси), собственно, и ограничивается, в понимании Костомарова, имея вид некоей политической надстройки, регулировавшей в основном отношения между князьями.

Монгольская политическая сила оставалась, по Костомарову, долгое время ключевой, как фактор возвышения Москвы. В этой связи примечателен приводимый им факт уже из времен раннего правления Иоанна III, когда тот являлся еще соправителем своего отца – Василия II. В 1460 году Василий II с двумя своими сыновьями явился в Новгород, новгородцы ненавидели тогда московских князей за недавнее поражение от войск царевича Ивана – будущего Иоанна III. В результате этого поражения новгородцы фактически лишились полной независимости и оказались в роли вассала у Москвы. В 1460 году новгородцы решили убить Василия II и прибывших с ним его сыновей, от этого поступка отговорил их местный епископ Иона, приведя следующий аргумент: «Из этого нам не будет пользы, останется еще один сын, старший, Иван: он выпросит у хана войско и разорит нас»². Это высказывание Ионы означает, что новгородцы больше боялись не Москву, а стоящую за ней Орду.

Очень важной является мысль Костомарова, что политика ханов Золотой Орды придала власти Великого князя реальное политическое значение, на исходе киевского периода Великий князь был фигурой номинальной. Здесь-то и надо искать корни генезиса монархии в Восточной Руси. Еще долго удельные князья будут тянуть развитие русских земель к старине, когда фактически реальной верховной власти вообще не было. В интересах Орды, как показывает Костомаров, находилось сотрудничество с одним главным князем, нежели со множеством своевольных независимых князей.

В начале XIV века дошло до того, что междоусобные конфликты на Руси стали происходить в основном после получения одной из воюющих сторон санкции хана, как это было в случае конфликтов Твери и Москвы, этот пример, широко приведенный у Костомарова, наглядно демонстрирует нам конституирующую роль монгольских завоевателей в истории Восточной Руси.

Таким образом, согласно Костомарову, монгольское влияние на развитие русский исторический процесс является ключевым в аспекте упорядочения отношений между князьями через установление системы вассальной зависимости в их среде, что в свою очередь повлияло на консолидацию русских земель вокруг Москвы. Примерно того же взгляда на роль монгольского завоевания в русской истории придерживался другой российский историк М. А. Дьяконов, а также известный советский историк А. Н. Насонов, речь о них пойдет ниже.

* * *

М. А. Дьяконов, как и Костомаров, также отказался придерживаться традиционных имперских схем русской истории. По его мнению, лестничное право стало отживать свой век еще в Киевской Руси, и никакого политического единства русских земель, кроме весьма непрочных междукняжеских договоров, в канун монгольского нашествия уже давно не существовало³. По Дьяконову, в начале XIII в. каждый князь был сам себе голова, что было выгодно не только самим князьям, но также и городской знати, от которой в не меньшей степени исходила дезинтеграция Руси.

Смена политического порядка, согласно Дьяконову, началась с момента поездки Ярослава Всеволодовича к Батью в 1243 году, с этого момента хан стал распределять княжеские столы, по своему усмотрению. Однако Дьяконов не склоняется к преувеличению монгольского влияния в вопросе переустройства Руси, по его мнению, после 1243 года еще долго продолжают сохраняться старые порядки занятия столов князьями, это – захват, старшинство, отчина и призвание⁴.

Главной причиной возвышения Москвы Дьяконов, как и Костомаров, считает поддержку московских князей Золотой Ордой. Но Дьяконов настаивает, что эта поддержка носила чисто политический характер и

¹ Костомаров Н. И. Господство дома Св. Владимира. М.: ООО «Фирма СТД», 2007. С. 234.

² Цитата по: Там же. С. 239.

³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. С. 123.

⁴ Там же. С. 120.

не затрагивала внутренних аспектов развития Московского государства¹. Генезис самодержавия Дьяконов видит не в монгольском воздействии, как некоторые поздние, уже советские авторы, а в импорте идей государственного устройства из Византии через Православную церковь, здесь Дьяконов консолидируется со многими дореволюционными историками².

Во всех остальных сторонах развития Дьяконов не видит сколько-нибудь серьезного монгольского влияния на развитие Русского государства.

* * *

Обратимся к концепции Георгия Вернадского о влиянии монголов на Русь. Вернадский придерживался мысли, что трансформация Русского государства произошла под воздействием в первую очередь экономических последствий монгольской агрессии XIII в., когда в результате разрушения городских центров была сильно нарушена привычная хозяйственная система Древней Руси, для которой было характерно экономическое главенство города. Князья и бояре вынуждены стали заводить свои маноры и начали более тяготеть к земле, поскольку торговля и ремесло, а также доходы от них, включая даннические платежи, резко сократились в общем хозяйственном укладе Руси после монгольского нашествия 1237–1240 гг. Манор стал основой нового хозяйственного уклада русских земель, Москва в монгольский период была ни чем иным, по Вернадскому, как манором Великого князя. Роль городского веча, как и экономическое значение городов, резко упали.

Как считает Вернадский, бояре не смогли полностью воспользоваться ситуацией и укрепить свое влияние в новых условиях, поскольку опасались монголов, которые однозначно занимали сторону князя в его внутренних конфликтах, и остатков городского населения. Таким образом, по Вернадскому, из трех главных сил средневекового общества – горожане, земельная аристократия, монархия – гипертрофированную власть получил монарх. Горожане рассматривали князя как консолидирующую силу в будущей борьбе с монгольскими завоевателями, поэтому, как убеждает Вернадский, они занимали его сторону в случае противостояния с боярами. По Вернадскому, боярство находилось в скованном положении, снизу в своем стремлении к расширению власти и влияния оно было сдерживаемо горожанами, сверху – ханской властью.

Разгром городов монголами, по Вернадскому, привело к снижению значения городского ополчения и роли боярских отрядов. К тому же, дружины перестали играть серьезную роль в организации обороны Восточной Руси, их место заняли, по Вернадскому, княжеские дворяне, набравшие преимущественно из числа княжеских рабов или полурабов. Вотчины бояр и князей постепенно стали приобретать значение экономической основы новой военной организации Восточной Руси. Потребность в постоянных верных войсках заставила Великого князя ограничить переход бояр, а затем и попросту упразднить таковой, что произошло уже в постмонгольский период.

О непосредственном импорте институтов Георгий Вернадский высказывается осторожно, он особо выделяет следующие заимствования: смертная казнь и телесные наказания, которых не знала «Русская правда», административно организованная система налогообложения, институт казначейства, система княжеской администрации, то есть, так называемые, «пути», структура княжеского войска (разделение на полки, введение должности окольничего и т.д.), призыв на воинскую службу сельского населения³.

Хотя Вернадский крайне редко употребляет термин «феодализм» в отношении истории Руси монгольского периода, тем не менее, из его системы взглядов на проблему монгольского влияния на трансформацию русского общества в средние века следует, что импорт новой военной организации способствовал появлению принципа *службы с земли, или условного землевладения, – главного признака феодализма*. В первую очередь условное землевладение распространялось на слуг дворских, так в монгольский период называли дворян, затем же оно было применено уже после освобождения от монгольского владычества и к боярам. Но все-таки, по мысли Вернадского, институт службы с земли созрел внутри русского общества, а не был полностью импортирован на русскую почву из Орды.

* * *

Интересно для нашего исследования мнение другого евразийца – Хара-Давана. Хотя в своих выводах о последствиях монгольского завоевания он сделал большой акцент на культурном влиянии Востока на Русь, ряд выдвинутых им тезисов требует внимания. Взгляд Хара-Давана на проблему последствий монгольского владычества над Восточной Русью четко выражен, как мы считаем, в одной из его цитат: «До прихода монголов многочисленные русские княжества варяжского происхождения, расположенные в бассейнах рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, и только в теории признававшие власть над собой Киевского Великого князя, фактически не составляли одного государства, а к населявшим их племенам славянского происхождения неприменимо название единого русского народа.

Под влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю.

Это не натяжка, не праздное измышление нашего безвременья, а исторический факт, находящий признание не только у нас, но и у иностранцев.

¹ Там же. С. 288.

² Там же. С. 289–292.

³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: Леан Аграф. С. 362–374.

"Раздиравшие древнюю Россию усобицы князей затихли под влиянием еще горшего бедствия, - говорит Г. Лэм, имея в виду Батыево нашествие на Русь. - Когда же монгольская волна отхлынула, случилось нечто неожиданное, хотя вполне естественное. На развалинах враждующих русских княжеств возникло царство Ивана Великого".

Историческая закономерность этого процесса подтверждается тем, что нечто подобное произошло после падения монгольского владычества и на Дальнем Востоке:

"Китай, объединенный монгольским завоеванием, впервые выступает как единая держава".

Организация России, явившаяся результатом монгольского ига, была предпринята азиатскими завоевателями, разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличения Московского великого княжества, а ввиду собственных интересов, а именно для удобства управления покоренной обширной страной. Они не могли допустить в ней обилия мелких владетелей, живущих на счет народа и хаоса их нескончаемых распрей, подрывавших экономическое благосостояние подданных и лишавших страну безопасности сообщений, а потому, естественно, поощряли образование сильной власти Московского Великого князя, которая могла бы держать в повиновении и постепенно поглощать удаленные княжества. Этот принцип создания единовласти, по справедливости, казался им для данного случая более целесообразным, чем хорошо известное им и испытанное на себе китайское правило: "разделяй и властвуй". Таким образом, монголы приступили к собиранию, к организации Руси, подобно своему государству, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния.

В результате такой политики монголов, всюду вводивших установленные еще при Чингис-хане порядки, они дали покоренной им стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество. Равным образом, исходя из задач административного и финансового управления, они занялись организацией почтовых трактов, установили ямскую повинность населения, улучшив этими мерами условия сообщений на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, произвели общую перепись населения в фискальных целях, ввели однообразное военно-административное устройство и податное обложение по принятой у них десятичной системе, а также установили общую для всех русских областей монету - серебряный рубль, разделенный на 216 копеек.

Дань хану от податного населения должна была вноситься в размере 1/10 части дохода каждого хозяйства. То же население ставило десятого человека в ханское войско. Всем этим заведовало особое доверенное лицо при хане из монголов, которое называлось "даруга" (заведующий печатью). Даруги (по-татарски "бас-каки") были представителями хана в покоренных странах; это установлено Чингис-ханом¹.

Изложенные в этой цитате идеи Хара-Давана согласуются с тем, что выразил по вопросу последствий монгольского завоевания для Руси, Г. В. Вернадский. Но мысль Хара-Давана идет дальше, получается, что социально-экономическое развитие домонгольской Руси было жестко привязано к речным системам, реки не сплачивали, а разделяли русские княжества, соответственно, в каждой речной системе формировалась своя, особенная, государственность. Контроль за речными путями, а не за территориями, был главным политическим мотивом деятельности русских князей. Монголы коренным образом меняют ситуацию, контроль за торговлей и торговых магистральями переходит к ним, а сами торговые магистрали смещаются на юг, так примерно рассуждал Георгий Вернадский. В отношениях между князьями монголы установили, по Хара-Давану, что-то похожее на административную иерархию, что подготовило почву для становления централизованного государства. И сам русский народ, как единый и вполне определенный в историко-географическом пространстве, этнос обязан своим происхождением монгольскому владычеству. И, действительно, если бы, допустим, жителю Чернигова XI столетия сказали бы, что он – представитель древнерусской народности, он очень удивился бы, в этом смысле Хара-Даван прав.

Концептуальная идея Хара-Давана, что монголы дали Руси крепостничество, интересна в том отношении, что, получается, одна из главных предпосылок феодализма – крепостная зависимость крестьян – пришла на Русь с Востока. Да, зависимые слои крестьянства были и в Киевской Руси, но они существовали локально, преимущественно – в Юго-Западной Руси и в Новгородской республике, к тому же, они находились в основном в экономической зависимости от бояр или от князя. Кроме того, статус самого многочисленного слоя зависимых крестьян – смердов – был достаточно расплывчат, их зависимость от князя являлась, скорее всего, номинальной. Тотальное закрепощение крестьянства и даже городского населения пришло с Востока, где оно широко практиковалось.

* * *

Работавший примерно в то же время, что Вернадский и Хара-Даван, над проблемой взаимоотношений Руси и монголов А. Н. Насонов на основе летописных данных пришел к несколько иным, чем два вышеприведенных историка, выводам. По его мнению, монгольское завоевание нанесло удар главным образом по Владимиру, Суздалью, Рязани и Киеву, слабо затронув Верхнее Поволжье, Новгород и Смоленск, а также все западные русские земли. Опираясь на летописные сведения об антимонгольских восстаниях в Ростове и Ярославле, Насонов пришел к выводу, что вечевые традиции и политическая сила городов в Северо-Восточной Руси несколько не изменились, по сравнению с киевским периодом, однако к середине-концу XIV в. с вечевыми традициями в Ростово-Суздальской Руси было почти покончено, и главную роль здесь

¹ Эренжен Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие [Электронный ресурс] // Сайт последователей Л. Н. Гумилева. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/HD/index.html>

сыграли татары, для которых русский город с его вечевыми традициями стал главным препятствием для полного подчинения Северо-Восточной Руси. Главным следствием завоевания Насонов считает распад Руси на несколько самостоятельных областей, рост антагонизма между севером и югом, то есть между, условно говоря, Киевщиной и Ростово-Суздальской Русью. Примерно к такому же выводу о главном следствии монгольского нашествия на Русь придет Джон Фенел в своей знаменитой работе «Кризис средневековой Руси».

Город, по Насонову, продолжает оставаться на протяжении всего XIII в. и первой половины XIV в. объектом политических устремлений князей, это означает, что социально-экономическое развитие Северо-Восточной Руси вследствие монгольского завоевания не претерпело существенных революционных изменений. Как и Георгий Вернадский, Насонов убежден, что усиление княжеской власти в Северо-Восточной Руси произошло из-за монгольского вмешательства, ордынцы, по его мнению, поддерживали князей против городского веча, чтобы подавить последнее. Боярство, по мнению Насонова, не играло в XIII – XIV в.в. еще самостоятельной роли, чтобы говорить о нем как о значительной политической силе в Северо-Восточной Руси¹. В исследовании Насоновым положения боярства в монгольский период обращает на себя внимание весьма интересная деталь, нередко хан обязывал русских бояр служить князю, то есть, устанавливал *обязательность боярской службы конкретному князю*². Это замечание А. Н. Насонова очень важно, поскольку мы знаем, что до монголов боярин на Руси был лицом независимым, однако процесс превращения бояр в служилое сословие при монголах только начинался.

* * *

А. А. Зимин вскользь затрагивает тему монгольского влияния на социально-экономическое развитие русского общества. Тем не менее, даже его немногочисленные упоминания на этот счет для нас интересны и ценны. В частности, он указывает, что многие государственные повинности крестьянства происходили из Орды. Об этом, впрочем, писали многие ученые, но главное другое, А. А. Зимин рассмотрел сущность русского феодализма монгольского и постмонгольского периодов, обратив внимание на проблемы службы с земли и закрепощения крестьянства.

Крестьянство, по Зимину, однозначно не было массово закрепощено к концу XV в., но наступление боярского землевладения на общинные земли уже имело место. Вместе с тем, крестьянство несло множество повинностей, появившихся в монгольский период и не отмененных уже после освобождения Руси от Орды, локальные факты феодального закрепощения, правда, имели место. Мнение о медленном и незначительном закрепощении русского крестьянства московскими боярами на исходе монгольского периода и на начальных этапах постмонгольского периода А. А. Зимин подкрепляет тем аргументом, что в начале XVI в. в Московской Руси имел место рост числа холопов, которых бояре использовали не только как слуг, но и хлебопашцев; это означает, что массового закрепощения крестьянства в Северо-Восточной Руси не произошло даже при Иоанне III. При этом формы феодальной ренты еще в начале постмонгольского периода, по А. А. Зимину, имели преимущественно натуральный характер.

Денежную ренту А. А. Зимин в Московском государстве считает перерождением даннических отношений, он пишет по этому поводу: «Наблюдения над складными единицами могут дать дополнительные аргументы для обоснования предположения, что денежная рента конца XV в. генетически восходила к дани и имела ведущее значение среди форм эксплуатации крестьян. «Вить» в XIV–XV вв. носила не поземельный, а подворный характер. Крестьянские повинности определялись не размерами земельных наделов, а исчислялись по количеству крестьянских хозяйств. Отсутствие в XIV–XV вв. в Северо-Восточной Руси писцовых книг с указанием земельных площадей также (наряду с другими причинами) объясняется тем, что налоги начислялись на крестьянский двор, а не на определенное количество земли»³.

Несомненно, заниженное значение земли, – нетипичное для европейского феодализма явление – берет свои начала в Орде, в хозяйственной системе которой ключевое значение имели человеческие ресурсы. Вспомним, что обложение в монгольский период падало в основном на двор и крестьян, а не на земельные наделы. Правда, у А. А. Зимина о монгольском факторе здесь не сказано ни слова. Даже упоминая разделение территориальных общин черносошных крестьян на сотни и десятки, А. А. Зимин не пишет о существовании и появлении такого разделения во второй половине XIII в., когда монгольские завоеватели проводили переписи населения в Северной Руси. Зимин относит подразделение общин на сотни и десятки к числу анахронизмов раннего классового общества, он пишет: «Иногда сотский упоминается наряду со старостой. Встречались также пятидесятьские и десятские. Все эти волостные администраторы генетически восходят к представителям старинной сотенной общинной организации, сложившейся на заре классового общества»⁴.

Анализируя проблему службы с земли, А. А. Зимин видит начала этого института в XV в. и связывает его с ростом количества слуг дворских, то есть дворян, а также с ограничением свободы вотчинников. Однако прийти к окончательному выводу, были вотчины изначально условным землевладением, или представляли из себя аллоды, он не смог. Также А. А. Зимин не смог определить характер условного землевладения в конце эпохи Иоанна III, он пишет: «Поместье и вотчина, происходя из одного корня, на известном этапе

¹ Насонов А. Н. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2006. С. 259–260.

² Там же. С. 266.

³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982.

⁴ Там же.

разошлись. К сожалению, определить условия поместной службы и поместного владения на рубеже XV–XVI вв. пока крайне трудно»¹.

Как видно, А. А. Зимин избегает темы монгольского влияния на социально-экономическое развитие Руси. Из его рассуждений можно сделать вывод, что боярство при монгольских завоевателях сохранило старые черты социального устройства, которые были присущи ему еще в киевский период, и только политика Иоанна III и Василия III способствовала углублению его феодализации. Крестьянская масса Северо-Восточной Руси, согласно Зимину, в течение монгольского периода также не претерпела существенных социальных изменений, по его мнению, советская историческая наука не смогла даже определить стратификацию русского крестьянства XV века.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Пустошинская О. С.

Тюменский государственный университет

История цивилизационного развития свидетельствует, что в любой общественной системе всегда присутствует антагонистическое по отношению к официальной политике выражение, порождающее разные по степени воздействия последствия. В ситуации усиления дисбаланса обеспечения интересов и запросов различных социальных слоев и групп, обуславливающего рост эмоциогенной напряженности, и как следствие, гражданской мобилизации и сопротивления, проблема угрозы нарушения либо демонтажа сложившегося социально-политического порядка приобретает вполне реальные очертания. В современных российских социально-экономических условиях актуальность данного вопроса не вызывает сомнений. Сила солидарности неинституционализированных сообществ, прежде всего молодежных, находящихся вне эффективного регулирования политического центра, является достаточной для развертывания дестабилизирующего или революционного процесса. При этом особого внимания заслуживают формирования радикальной, экстремистской направленности. Поскольку они исключены из официальной политической игры и действуют вне рамок правового поля, в основном в латентном или виртуальном пространствах, их стратегия и ее результативность являются опасно непредсказуемыми. Как показало мониторинговое исследование сайтов молодежных организаций и движений, в Российской Федерации функционирует множество подобных структур, ряд из которых проявляет свою активность в Уральском федеральном округе.

Так, замкнутое в своей функциональной нише и имеющее тенденцию к слабой степени межгрупповой коммуникации, созданное в 2006 г., «Тажное северное братство» (далее – ТСБ) расширяет свое присутствие и усиливает влияние в ХМАО и ЯНАО – главных энергетических районах России. Эта ультрарадикальная группировка белых расистов является ответвлением украинского движения «Национальное освобождение русского народа», ставящего своей целью построение «...славянского государства – Киевская Русь в составе Украины, Белоруссии и Русских земель, образовавшихся после демонтажа Российской Федерации...» [1]. Деятельность ТСБ направлена на захват управления в стране в период пика кризисных явлений и включает в себя создание инфраструктуры будущей войны, в частности, кадрового мобилизационного ресурса. Отвергая логику уязвимой с точки зрения конспиративности вертикальной организационной иерархии, идеологи движения акцентируют внимание активистов на формировании боевых и информационных отрядов сетевого сопротивления, в виде континуума охватывающих территориальное пространство современной России. Стратегия, в основе которой – эксплуатация чувств национального самоутверждения и достоинства, а также собственная репрезентация в качестве выразителей общественного блага в противовес государства, осуществляющего «геноцид русского народа» [2], рассчитана на максимизацию тенденций социального недоверия к существующему режиму и делегитимацию власти. Выбранная для реализации замыслов тактика, предполагающая проведение диверсионных информационных, психологических и пропагандистских операций, оставаясь в границах нормативного поля, доказывает остроту угрозы, исходящей от функционирования данного формирования. Кроме того, что задача деятельности ТСБ для лидеров видится в идеологической экспансии альтернативных и оппозиционных молодежных движений, диапазон политических целей, кроме того, включает разрушение изнутри институциональных основ национальной системы. Так, в абз. 3 «Заметок о русской революции» Основных положений ТСБ указывается: «Все организационные мероприятия «Белого сопротивления» должны быть сконцентрированы на разрушении основ взаимодействия силовых структур Росииии... как внутри конкретного ведомства, так между собой...» [3].

Другой из сегментов ультранационального движения представлен в УрФО самой узнаваемой и имеющей разветвленную сеть в регионах Национал-большевистской партией (далее – НБП). Эпатажный стиль активности членов, культивирование двойной идеологии придает ей содержательную выделенность из общего партийного списка, а трагизм и пафос риторики вызывают эмоциогенную рефлексию. Расширение рамок

¹ Там же.